

18+

Федор Самарин

**ЗАПИСКИ
ИЗ НИОТКУДА**

Федор Самарин
Записки из ниоткуда

«Издательские решения»

Самарин Ф.

Записки из ниоткуда / Ф. Самарин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-568308-3

Автор, имея досуг, обнаружил непрочитанное произведение некоего бухгалтера Михеева, в котором тот излагает правдивую историю превращения малоизвестной постсоветской губернии в государство Торамдассию, со своей идеологией, религией и даже языком, который в законодательном порядке положено обожать. Несогласных ждет забвение и лишение имени...

ISBN 978-5-00-568308-3

© Самарин Ф.
© Издательские решения

Содержание

ЗАПИСКИ ИЗ НИОТКУДА	6
Глава первая	12
Глава вторая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Записки из ниоткуда

Федор Самарин

© Федор Самарин, 2022

ISBN 978-5-0056-8308-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗАПИСКИ ИЗ НИОТКУДА

Это произведение мне прислали по электронной почте. Несколько лет я не открывал его. Сейчас не повезет кому-то еще...

Ф. Самарин.

Внимание, имярек!

Рукопись эта замечательна тем, что настолько разрозненна и бессмысленна, что читать ее можно с любого места, если тебе совершенно нечего делать.

Обнаружив, признаюсь, изумительное это сочинение среди бумаг, оставшихся мне по наследству от руководителя моего, предлагаю его вам в том самом виде, в каком и нашел.

Руководитель мой, имя которого вам ничего не говорит, а стало быть, и знать вам его не обязательно, по всей видимости, принимался придать какое-нибудь внятное, человеческое обличье этой бессмыслице, написанной рукою некоего спятившего бухгалтера А. Михеева. Причем, попыток было несколько, что заметно по некоторым пометкам в тексте. Да так дела он до конца и не довел, царствие ему небесное.

Справедливо полагая, что кое-какие проблески мысли, равно как аллегии, аллюзии, аналогии и озарения, прошедшие сквозь воспаленный разум Михеева, все ж таки будут не лишними для грядущих поколений, советую, однако, читать сочинение это в расслабленном состоянии духа. Следует впасть в упоительную потерянность, которая приключается, обыкновенно, после обеда, особенно, в январе и в жарко натопленной квартире. Так вы естественным образом окунете себя в зыбкость, ибо она одна в состоянии передать всю полноту счастливой обыденности и обыденного счастья, к которому стремился и которого нечаянно достиг бухгалтер Михеев. Уши его, замечу, прямо-таки торчат из-за спины выдуманного им неказистого лирического героя Распопа.

Вместе с тем, предостерегаю.

Хоть и стоит под всем нижеизложенным подпись Михеева, но истинным автором полагаю самого П.А., легендарного, превзошедшего и так далее руководителя, которому лично я в свое время указал, что слово «мастодонт» надобно писать обязательно после слова «политический». Поскольку мастодонт есть древнее ископаемое млекопитающее (с хоботом).

Кроме того, несколько раз я сам лично присутствовал при том, как П.А. развивал идеи, бравурностью своею изумительные.

Е. А. Жило,

действительный советник 1 класса, литератор, специалист, бард, ветеран, орденосец и директор клуба.

1.

– Видишь ли, Зина...

Павел Аркадьевич взглянул на цыпленка так, словно собрался сделать ему замечание.

– Она ему, Зиночка: вот голубь, говорит, который именно с театрального карниза нагадил, видишь ли, в общем-то, собственно... э-э-э... обосрал, дословно, мой каракуль. Не откуда-нибудь! А именно с этого карниза... который со львами... Боже мой, а? и еще карасика какого-то зачем-то нехорошим словом обозвала... или комарика... Но почему так рано? И почему именно она, вот в этом своем во всем, она-то?! Ну, думал, какой-нибудь человек, знаешь,

такой... В пальто, такой, знаешь, при галстукке... А потом просто прямым текстом: чтоб он, говорит, сгорел. А? Значит, что: значит, вот просто революция, а? А?

Павел Аркадьевич пошевелил бровями.

– Боже мой... Я, – это она, значит ему, – зачем, говорит, я туда с тобой пошла? Ну, а Распопов ей, мол, общество, премьера, Ланцовы будут...

– А сколько каракулю лет?

– Каких лет?! Куда лет? Я тебе про... А она мне: «лет»! Хотя... А черт его... И тут, понимаешь, он ей про снегиря с этого, с шедевра-то, как его, ну, где там два мужика в пиджаках и баба голая на траве....

– Это я не знаю, насчет баб твоих. Это тебе виднее.

– Мне по должности много чего виднее. А с другой стороны, вот не знаю я про этого снегиря...

– А, с другой стороны, теперь и у нее, шалавы, каракуля нет.

– Н-да. Все, как бы, того... Голубь, снегирь... Главное: вот, чтоб, говорит, сгорело. Сгорело бы, говорит. Ну-с, это еще надо как-то...

Павел Аркадьевич пошевелил пальцами и отломил цыплячью лапку...

Ланцовы, ему докладывали, да он и сам неоднократно, так сказать... в общем, всегда ругаются публично. И непонятно. Однажды очень часто употребляли и ссылались на какой-то «эвфемизм».

Эвфемизм, а дверь на даче всегда настезь, ароматы (жареная картошка с луком), Ланцов в пижаме и мохнатых тапках, с папиросой, над лысиной парус вздыбленного седого волоса...

Художники... А как без них? Ланцов: народный артист Грузинской ССР, орден болгарский, два раза по две недели в Переделкино, Шеварднадзе ему шапочку сванскую лично подарил... табличку гранитную на доме сам Павел Аркадьевич в прошлом году торжественно открывал. Оркестр из цирка, «Сулико», потом хор мальчиков и судак заливной в Судачьем же Затоне... Ланцов в прежней жизни был китобоем, талант природный, она мастерит зайцев и снегурочек на кукольной фабрике.

Тамбовцевы. У них с Тамбовцевыми искрит часто. Тамбовцев, надо понимать, из краповиков, хотя и не то, чтоб олигарх, а что делать. Сами откуда-то с севера. Бледные, слова не вытянешь, и рыбу жарят аккуратнo через день: из грязи в князи; дверь, напротив, на замке, забор каменный, ворота как в соборе: и не звонить, а стучать специальной колотушкой по медному лещу, который прежде висел на кукольном театре.

– Вот зачем, Зин, зачем, скажи ты мне... К бабке, что ли, она к какой-то в деревню ездит... Еще, говорят, колдун какой-то мордовский тут водится... И вот зачем, сейчас... вот ведь тоже не спроста на первой полосе пишут: испанский художник... как его... Хоакин этот... Сороллья. Хочет он этого Сороллью сюда, к нам. Выставку. А Сороллью на хлеб не намажешь!

– А Хукина этого и подавно...

– А я, значит, серость. Я, значит, савраска. Я, значит, давай в Москву, давай, Пал Аркадьич, рви задницу на британский флаг, давай для губернии в ногах-то, в ножках поваляйся, лизни, куда скажут... И что, вот будет этот Хоакин, когда уже снегирь, это самое, того? А в Татарстане, зато, чище живут. Живут идейно. И в оперы ходят...

Впрочем, Ланцовы – дело тонкое...

Далее по тексту везде следуют пометки, отступления и замечания, сделанные рукой Е. А. Жило (Ф.С.).

Тут рукопись так называемого Михеева, как, впрочем, и в других местах, прерывается по необъяснимой, но, видимо, ему самому только понятной причине, а не только ввиду позорного состояния страниц, обваренных чем-то клейким, вполне может быть, ухую: судя по прилипшим на 24-й странице к буквам «ъ» и «ц» мелким чешуйкам, какие обыкновенно имеет на себе, допустим, краснопёрка.

«...Прогуливаясь после цыпленка и наставлений Зины (не запомнил каких именно, но внутренне подобрался), Павел Аркадьевич окончательно, попятившись зачем-то мыслию от оперы и Татарстана к снегирию, голубю и колдунам, пришел к убеждению, что... ну, вот именно, пронзило насквозь: губернию надо непременно сделать республикой. Автономией, что ли. На худой конец, краем.

Мысль, собственно, была не его, а Ланцова: тот как-то в узком кругу высказался на грани допустимого. Дескать, если бы у нас, здесь, обнаружили бы городища и селища древних, допустим, парфян, аланов, тавров, киммерийцев или иберов, то вот дать задание краеведам, пусть выведут из этого факта особость населения, а там перепись устроить, да большую половину населения в эти... как их там... и записать. Сразу (ну, может, и не сразу, а с инициативой выступить в Думе) республиканский бюджет. Мост построить подвесной. Чемпионат мира по плаванию. Дорожки велосипедные. Пармезан. Аэропорт. То да сё...

Интересно: Ланцовы, заметьте, ругаются всегда во дворе. Даже зимой. Не придерешься.

Потом подумалось, ни с того, ни с сего, что елку бы живую надо поставить вместо сосновых лап, которые в глиняном кувшине. Чтоб иголки опадали, сыпались на ковер, чтобы потом ковер на перекладину, снегом его сверху, потом вдоль его да поперек, и пыль белая в небо, в лицо, в глаза, за шиворот, и жарко, и сердце девать некуда...

Ёлку, однако, в кабинете держать обременительно. Как-то не вяжется с аквариумом, в котором упитанные карпы с японских островов и два настоящих угря. Было три. Один куда-то подевался, а куда – розыск не учиняли: уж больно существо мерзостное. Но подарок. Инвесторы из провинции... (перечеркнуто – Ф.С.) ... чего-то там на «бао» в конце.

...Обитая в качестве главы обширной губернии, которой достоинства заключались исключительно в торфяниках, а также мощном огородничестве, среди которого там и сям раскиданы были руины бывших дворянских усадеб и целых два дворца (один – какого-то графа, фамилию которого в свое время не мог выговорить даже очень образованный первый секретарь обкома партии), приспособленных под культурные надобности, Павел Аркадьевич свыкся с недоумением.

Как его, упитанного и исполнительного главного механика областной мехколонны, а прежде егеря районного лесничества занесло в кабинет с вальяжными карпиями, он, как и всякий на его месте, понимать не то, чтобы отказывался, а полагал преувеличением.

Потому что, во-первых, Бог, хотя и не существует, но присутствует. А во-вторых, Павел Аркадьевич боялся слова «тендер». Почему-то именно этим словом рисовалась ему колоссальная фигура новой власти, которую вблизи не рассмотреть, а издали – боязно.

Но, оказалось, надо. Просто надо. Так ему десять лет назад вкратце объяснили два хорошо одетых человека в столовой мужского монастыря за скромной трапезой.

Он уж и не помнил канвы разговора, ни что подавалось на стол, да и был ли стол-то, а только выйдя на крыльцо, опущенное какими-то пышными белыми метелками, почувствовал будто, что стал как бы легче килограммов на двадцать и голову захотелось взять подмышку.

Через неделю, пребывая в неведомом доселе состоянии, похожем одновременно на вождение и скорбь, он уже протискивал в урну бюллетень, улыбался в камеры и даже

потрепал по щеке крепенькую, как молодой подосиновик, бабушку в пионерском галстуке и солдатской пилотке.

А через месяц ему показали фильм про его собственную инаугурацию. На груди тяжелая золотая цепь с гербом, правая рука на толстой книжке, пробор на лысине справа налево, и пиджак цвета голубиного пера с отливом.

В себя Павел Аркадьевич пришел только через три года, сообразив, что никто никуда его никогда вызывать не будет, и дела никому до него нет. Поскольку, сказала ему руководитель аппарата, доставшаяся по наследству от бывшего первого лица, исчезнувшего навеки, женщина толковая, красивая и непьющая, торфу в губернии завалились, народ увлечен теплицами, и каждое воскресенье перед домом правительства ярмарки: колбасы, яйца, сметана и столько капусты, что решено было (по осторожному предложению Павла Аркадьевича) установить на вокзале малую скульптурную форму кочану местного сорта «Мечта». Был объявлен конкурс, откликнулась столичная пресса, заказали проект, приезжала картавая дама в черном берете и с папиросой в пальцах: мастер монументальной скульптуры, которая облевала ему брюки на фуршете. Из Москвы донеслось какое-то академическое кряхтение, на том энтузиазм и иссяк.

В остальном все шло как и было заведено и сто, и триста лет назад, не взирая на смены эпох и режимов.

Общественность время от времени поднимала вопрос о том, что надо бы обустроить набережную, селяне просили уберечь их от наплыва разнообразных азиатов и налогов и дать на что-нибудь денег, торф раза два принимался гореть, и с такой ливневой канализацией, как в столице края, – впервые вот это вот «край» появилось на первой полосе либерального еженедельника «Око» – с такой ливневкой никак было невозможно существовать в двадцать первом веке.

Однако ж, некоторое время назад – точнее, опять по весне, стало быть, в прошлом апреле – Павла Аркадьевича снова вывезли в Свято-Успенский монастырь, и там, в трапезной владыки, стерильно белой, холодной и всего с одной иконой Спасителя, не дав толком закусить и выпить, хотя на столе солидно молчал усатый заливной осетр и попыхивал теплом витой пирог с рубленным мясом, сказали, что есть мнение укрупнить державу, дело государственное, и нужны решительные шаги. И начать, сказали, непременно нужно с самых депрессивных мест, то есть, вот прямо с тебя, Павел Аркадьевич.

«Вот тебе план, сломаешь печать, выучишь наизусть и съешь. Будет тебе человек. Запомни: „каракуль“, „голубь“, „снегирь“. А потом вскрыть. Еще: мы тебя услышали. Правильно мыслишь. А может, и неправильно. Если повернется так, что прикажут, что неправильно, сидеть будешь у нас. Там хорошо. Цени. На библиотеку поставим».

С тем и растворились.

В тот самый момент Павел Аркадьевич напрочь лишился даже намека на малейшее неуважение к власти.

Будучи человеком, возвращенным папой-фрезеровщиком, сыном легендарного председателя колхозной партийной ячейки, и мамой-крановщицей, власть он осязал как некий Ирий, из которого иной раз в мир спускаются всякие там лели, полели и радуницы, чтобы выбрать из лучших достойнейших и вознести в чертоги, где творит и мыслит острый коллективный разум. А принять себя за достойнейшего, при всем к себе скептическом уважении, Павел Аркадьевич отказывался. Он даже в армии не служил.

Поэтому просто сплюнул на пальцы и загасил свечу. Неведение, сформулировал он быстро и гладко, суть единственное главное условие счастливой и благополучной жизни народа, и, соответственно, – поскольку плоть от плоти, – самого Павла Аркадьевича. Который, стало быть, обязан в неведении своем быть чистым, прозрачным, и течь себе как ручей, впадая туда, куда надо.

И тут вдруг ему вопреки его воле открылось нечто, с чем теперь придется жить, хотя...»

Очевидно, что «Михеев» старался придать некую существенную форму дальнейшим своим фантазиям, но, по всей вероятности, ему не хватало материала, наверное могущего подтвердить или опровергнуть точное время переворота в умах. А главное, точное время принятия решения о перевороте.

2.

Далее – нечто маловразумительное, фрагментарное, но вывод сделать, однако ж, вполне возможно:

«... – Простите, можно у вас луку немножко?

– Проходите.

Распопов несколько смутился, потому что был в фартуке. Тамбовцев на коврике, руки на причинном месте, как у Сулова Михаила Андреевича. Под носом у него корка, глаза больные:

– Рассопливился.

Сначала лук, потом чаю, о том, о сем, о существенном: третьего дня мы больше не область, никому не ведомая, затерянная среди других таких же областей, а веяние. Как опера «Снегурочка». Как глаз на пирамиде с долларовой купюры. Как лунный свет Архипа Куинджи.

– Флаг новый видели уже?

– Нет еще.

– Ну, как же! В новостях с утра... Полотнище, представьте на секундочку, с двумя хвостами. Как у монголов. А по центру голова.

– Голова?

– В шлеме. А шлем с кисточкой.

– И все?

– Нет, еще две сабли крест-накрест. И какой-то орнамент дикий вокруг всего. Флаг желтый, а орнамент красный. Говорят, уже конкурс объявлен по составлению гимна. Филаретов, говорят, тоже, знаете, подсуетился. Насчет стишков-то. И еще вчера венки возлагали на камни. Все руководство.

– На какие камни?

– Да что вы, ей-богу! Священные камни, их еще месяц назад на проспекте установили. Везли с Урала, откуда предки...

– Чьи предки?

– Ну, имеется в виду... в общем, я в точности что-то не уловил. Что-то в широком смысле».

3.

И еще более мутное:

«... Утром тридцатого декабря, минут пятнадцать десятого, когда пришла пора варить мясо на холодец, потому что исстари повелось, возникли на пороге трое. Двери всегда на площадке в эти дни открыты: древняя традиция. Устой. Уклад.

– Распопов Илья Михайлович?

– А вы, собственно, зачем?..

– Распишитесь. Настоящим предлагается быть сегодня в школе номер двадцать восемь ровно в семнадцать ноль-ноль.

– Послушайте, что значит «предлагается»? У меня холодец...

- В случае неявки вы попадаете под закон о насильственной денационализации.
 - Национ... чего? Русский я.
 - Распишитесь. Здесь и вот здесь.
- А потом они забрали Ланцова.
Ну и пёс с ним.»

(Из расшифрованных воспоминаний допосконного уряда, не имеющих отношения лиц. №23450021.).

Глава первая

«...Павел Аркадьевич начал с того, что заперся.

Он любил запирачься. Сначала озира́л он смежные и соседние комнаты, словно бы точно зная, в каком именно углу потолка, на какой лампочке и с какого боку люстры вздувались локоны серебристой паутины, притом, совершенно не обращая внимания даже и на супругу, делаясь похожим на надзирателя исправительного учреждения, которому нравится его работа.

Затем таким же точно образом озира́л он и кабинет, заглядывая под кресла, за тяжелые полосатые, в зелень, шторы, за холодильник, и только потом осторожно вставлял дверь в проем, с удовольствием вслушиваясь в звук легкого щелчка, а если звук этот не был вдруг привычным – клацанье стальной застежки старинного кожаного чемодана – повторял процедуру еще раз, и еще, и еще. Настроение при этом сходило на нет. Согласно этой примете, очень точной, как прогноз погоды на три дня, всякое грядущее сулило некие неприятности. Если же чмокание «собачки» было как лопнувшая струна, со звенящей металлической россыпью, Павел Аркадьевич хорошел прямо на глазах.

Он, собственно, вовсе и не был Павлом Аркадьевичем. И не в том только смысле, в котором натренировал себя быть везде и со всеми, даже с Зинаидой, даже в самые интимные моменты, после которых всегда просил у нее прощения взглядом. А в самом что ни на есть прямом.

Был он существом глубоководным.

Иногда даже, опускаясь нагим в обширную чугунную, сталинских времен, ванну, он чувствовал, как дно ее постепенно становится мягким, как тесто, а после проваливался в теплую солоноватую мглу. И тогда вместо рук отрастали у него приятные гладкие лопасти, ноги свивались в длинные, ловкие, мощные щупальца, а рот складывался в восхитительный хищный клюв.

Иногда обладание этим клювом проскальзывало у Павла Аркадьевича во время обедов. Забываясь, особенно, на даче, он не откусывал, а отрывал зубами куски мяса с куриной лапки, поднося ее ко рту таким образом, что казалось, кусает он только нижними зубами да кончиком носа...

Впрочем, курятину Павел Аркадьевич не любил, предпочитая баранину, разнообразные каши и, чем вызывал всеобщее недоумение, морскую капусту. Во время трапез, однако, только в домашней атмосфере, позволял он себе (Зинаида одобряла, говоря, что так, мол, конечно, не культурно, зато интеллигентно) читать всякую литературу, то есть, детективы. За бараниной с гречневой кашей Павел Аркадьевич не то, чтоб отдыхал, а несколько отпускал вожжи, хотя акт чтения имел косвенной целью не замечать критического выражения лица Зинаиды, одобрявшей чтение, но не одобрявшей его манеру есть быстро и практически не прожевывая любую пищу.

За обедом читал он истории про Эркуля Пуаро, комиссара Мегрэ, про Фантомаса, а года три тому назад, совершенно неожиданно, прочел историю про дикого человека Тарзана, обнаружив, что фильм, в сравнении, однако, еще более вопиющее дерьмо. После этого обеда с Тарзаном, во рту, в ноздрах, во всем существе Павла Аркадьевича еще некоторое время сохранился устойчивый привкус и запах вонючей, мокрой обезьяньей шерсти.

На ночь, при лимонном свете ночника, читал он, обыкновенно, «Историю искусств», засыпая всякий раз при появлении термина «прерафаэлиты». Серебристый, с тиснением и репродукциями альбом всегда был аккуратно протерт от пыли и заложен бархатной салфеткой с кисточкой. Он знал как собственный диван все эти испанские, итальянские и французские имена и фамилии; от репродукций рябило в глазах, все искусство к концу очередного

абзаца сливалось у него в одну пеструю, бесконечную ленту, которая пеленала вежды, и спал он обыкновенно покойно, тихо и без снов.

По этой бесконечной ленте шествовали деревянные куклы из Пармы, жуткое распятие Чимабуэ, портрет Марии Луизы Бонапарт, солнечный календарь в Сан Доменико и мадам Самари. Иногда он останавливал этот последний кадр и, глубоко взяв в себя воздух, пытался спиной запрыгнуть внутрь картины: мгновенно будто бы обволакивал его запах арабских духов от платья мадам Самари, и тени под лодками на Сене переливались и всплескивали зыбкими огнями, и стоило больших трудов представить себе момент, когда картина начинала всасывать в себя. Особенно часто нырял он в пейзаж Франческо делла Косса, как раз за мраморную колонну, чтобы получше рассмотреть, кому там машет ручкою крохотный Бог-Отец из пустышных облаков. Там было свежо, с кустов свисали продолговатые оранжевые ягоды, на глянцевых листьях грелись склизкие жирные улитки, и дорога под ногами вспыхивала тонкой белой пылью...

Важно было вовремя выпрыгнуть обратно.

А иногда он оказывался в Фонарном переулке, в собственном доме с деревянным наборным потолком и стенами, обтянутыми полосатым синим шелком. Он гулял с няней по Большой Морской, сворачивал к каналу Грибоедова, потом на Мойку, и, в парусиновых шортах и чудовищных ботинках, все ловил, ловил, ловил нелепых хилых бабочек огромным марлевым сачком. А затем его отдали в ремесленное училище и женили на рыжей эстонке, устроили на велосипедный завод слесарем и заставили вступить в партию. В разговорах рекомендовался он ижорцем, писал под этим псевдонимом в многотиражную газету «Массив» заметки про агитационные турпоходы и, не по собственной воле, конечно, но изредка докладывал в шестой отдел, какие анекдоты витают в среде инженерно-технического персонала.

Была у него на заводе связь: звали ее Вера, она тоже была рыжей, как и жена Зинаида, только поглупее, и ее-то он чуть позже возненавидел. Неизвестно за что.

Поэтому, когда прошли годы и наступило время, он расстрелял и ее, и весь шестой отдел, до последнего человека по фамилии Хабибуллин, которого отыскивали в городе Нальчике три месяца назад: у него был виноградник и два внука...»

Здесь в рукописи обширное пятно необъяснимого происхождения:

«...Сны, а сон – вещь интимная, обнажали подлинного Павла Аркадьевича.

В нем, как в наглухо запечатанной сургучом бутылке уксуса, покоились лично им найденные и освоенные категории.

Там были парки, они же мойры. Кодекс Верже. Лаузия – зеркало Венеры. Большой титул. Планета Сириус, индейцы-кечуа, жук-плавунец, Рейнский водопад, Радогаст... Год назад, например, выписывая комментарии к таинственной книжке под названием «Нума Руместан» – всякое серьезное чтение Павла Аркадьевич начинал и заканчивал именно комментариями и пояснениями – нашел он, что человек, точно так же, как коты, собаки различных пород, может, даже зайцы и прочая, склонен метить территорию. Памятниками. Потому что всякий монумент, а хоть бы и просто камень с символом, допустим, в виде пятерни, а не то вообще черт те с какой каракулей, оно уже не просто камень, но место на память. А уж какая там память – это ведь можно и придумать.

Потому что, что бы там себе не совершал, какая бы не осталась от тебя память, а забывается все. Напрочь. Зарастает вечной зеленью, как города в джунглях. Ничего не стоят никакие картины, никакой дель Косса, никакой Шостакович, никакой Руместан: настоящая жизнь нелепа, корява, бессмысленна и условна. А условностями ее обшивает и заштопывает, как паук муху, сам человек, изобретая условности эти сообразно случаю. И только такие условности, облеченные в указы и обычаи, писанные, скрепленные и запечатанные самой настоящей, лип-

кой и черной кровью, переживают века. Они-то и есть подлинное человеческое время. Они-то и есть собственно человечество.

Вот что такое память. А народ... ну, значит, будет до семнадцатого колена помнить то, чего ему, в общем, действительно запомнили: это, конечно, не очень хорошо, в принципе. Но полезно. Особенно, если убедительно: с датами, анализом и всякими находками, допустим, случайно выкопанным коренным зубом не имеет значения, кого. Был бы зуб.

Из этого последнего открытия в прошлом году никаких выводов и последствий для себя Павел Аркадьевич не произвел. Решил подождать, пока само как-нибудь не прорастет. И был прав: ему вменили план, а Ланцов сам собою нажал на гашетку: заколосилась мысль снизу, донес, сука...

Ланцов теперь, кажется, в девятом поконном уряде ведет тему по собиранию генератора структурной волновой генетики как основы сверхума...»

Поперек рукописи стоит длинное матерное слово, написанное латиницей и с изображением человеческого органа:

«... и только тогда, согласно стратегии и плану, решено было вызвать катарсис.

Изучив возможности и все исторические прецеденты, экстренно было сообщено о выдающихся находках, которые переворачивали все представления о коренном народе губернии, а также о его настоящем языке, генофонде, геноме, антропологии и алфавите, поскольку обнаружены были древние руны в большом количестве, писанные на бересте, бараньих лопатках и пергамене.

Было объявлено о массовом вовлечении граждан в процесс обмена паспортов и открытии центров по абсорбции с обязательными курсами ускоренного погружения в действительность. В магазинах запрещено было обслуживать на иных языках, запрещалось также откликаться на допоконные имена, равно читать, материться, объясняться, слушать, прислушиваться и восхищаться.

Сожжение театра повлекло за собой введение чрезвычайного, затем – военного положения, усугубленного факельными шествиями истинных торамдассов и избиениями неторамдасских элементов, с нападениями на указанные в плане учреждения, персонал которых, равно и все полезное и ценное, заранее эвакуировали на Алтай, оставив только охрану, которую, как воплощение ига, стерли с лица земли.

Сам Павел Аркадьевич – Примарио Башкан Торамда-улгу – в это самое время был на даче под арестом, но его освободили революционные толпы восторженного народа, который внес его на своих плечах в бывшее здание обкома партии, низвергнув с пьедестала сатрапов...»...

Далее более-менее связное изложение чего-то незаконченного окончательно обрывается, и возобновляется только на шестисотой странице началом какой-то новой повести, которая, впрочем, тоже утрачена. Работа же недожинного ума так называемого Михеева возрождается на странице 1034 сборником разрозненных исследовательских статей, справок, рапортов и донесений, которые время от времени прерываются нервными заметками личного характера, неизвестно к чему относящимися.

Я оставляю все элементы этого уникального документа в той последовательности, в которой, повторяю, я его и обнаружил, разбив оное, как вы уже заметили, на главы. Но исключительно для того только, чтобы выглядело оно пристойно. Потому что даже и очень образованный бухгалтер (в чем я, подчеркиваю, имею основания сомневаться) не мог иметь замыслы, могущие стать причиной гибели цивилизации.

Глава вторая

«...Лето стояло душное, пыльное, горел лес, и гибла рыба. А до этой гибели, когда окуни и сомы полезли на берег, а раки лопались, как зажаренные на прутике рыбы пузыри, случилось то, во что поверить было невозможно.

По весне, когда воды стояли высокие и лоси жались к человеческому жилью, еще только солнце взошло, в главный азыр влетел маленький нянь и, визжа от ужаса, стал тыкать руками в сторону реки.

Первым кочумыр покинул верхний торамдас, у которой уже было свое имя: Холгу. Так называли ее, потому что «хол» – значит «очень большой», а «гу'ы» – суффикс. За нею к выходу потянулись торамдасы нижние, у которых не было большого гу, в строгом порядке: сначала женщины (киси), а затем остальные, которых никак не называли. В них не было ничего полезного, а то, что было полезно, тем пользовались в те луны, когда начинали метать икру лягушки, и прекращали, когда цапли слетались поедать головастиков.

Молча стояла Холгу на высокой круче, ветер трепал две белых ее косы и плащ из бобровых шкур. Речная гладь шевелилась, была живой, поблескивала, лоснилась – в воздухе стоял шелест: на берег хлынула рыжая масса.

– Новый зверь, – сказала Холгу и покачала головой.

– Новый, – сказали киси.

Целый день стояли они на высокой круче, целый день ветер трепал их косы, из-под земли проступила соль, и вышел из леса зверь, чтобы лизать ее, и прижались звери к ногам и бедрам Холгу, ибо очи у зверя покрылись льдом. Земля сотрясалась, и ноги слышали, как рыдает плоть земли далеко за рекой, далеко за лесом, там, куда издревле запрещено даже смотреть – там, где садится за край земли солнце. Оттуда извергло оно невиданных доселе тварей: с длинными лысыми хвостами, круглыми глазами и зубами, способными перегрызть камень.

Земля сотрясалась до восхода луны, и до восхода луны шелестели травы в лесу от молчаливого похода нового зверя.

Этого зверя решили назвать мерге, что означает «нельзя съесть». Когда приходило время решать, все киси и все, которых не называли никак, садились у входа в главный азыр и молчали. Молчали долго, до тех пор, пока кто-нибудь первым скажет какое-нибудь слово. Таков был обычай. Иногда молчали и день, и два, и неделю. Старики говорят, было дело – молчали две луны.

В этот раз слово сказала Холгу:

– Мерге.

– Мерге, мерге, – закивали головой киси.

Затем пошли в курутын, огороженный диким речным камнем.

Курутын всегда на четыре угла: в одном углу, от входа слева – веник из веток березы, в другом – от входа справа – веник из веток дуба, в других углах – чунча из бересты с водою и чунча из коры дуба с мёдом от диких пчёл. А в центре курутына – четыре камня. Четыре черных валуна.

Камни эти выросли из-под земли сами, потому что родила их дочь земли, великий первый торамдас – Торамда. Грудь ее – холмы. Волосы ее – травы. Руки – лес. Язык – ручьи и ключи, а влагилице – река.

Разоблачилась Холгу, опустилась на четвереньки, и вошла в курутын так, как ходит в начале своей жизни всякий торамдас. Ибо для Торамды даже самый древний торамдас – будто еще не родившийся.

– Ой, Торамда, дай мне рыбы и меду! – взмолилась Холгу, – ой, дай мне все, и я тебе дам все, ой, чего надо тебе!

После этой молитвы три кисы подтащили к входу в курутын столетнего сома, на спине которого росли береза, ольха и папоротник, и вспороли ему брюхо. Холгу разбросала внутренности на четыре угла, зажмурила глаза и задом выползла обратно: нельзя смотреть, как вкушает свою жертву Торамда.

А ночью Холгу сказала:

– Елдын торамдасар!»

(Из романа «Сказание о Холгу-воительнице» (П. А. Алпазов), стр. 9—10).

На том внятное, хотя и чудовищное изложение угадываемых событий, прерывается бесповоротно тоскливой серией компиляции неких не то диссертаций, не то монографий, а иногда донесений и мутных прозаических отрывков, извлечь из которых можно разве что общий смысл случившегося. Но привести их я обязан, хотя мне этого и не хочется.

ИЗ КНИГИ «БЕГСТВО МАХАЯНЫ, ВИДАВШЕГО ВСЁ» СЭРА ДАНАУЭЯ ОЛДРИДЖА, 1912 год, Ливерпуль.

Первые сведения о древних торамдасах относятся к 400-м годам до новой эры, когда Геродот в своей «Истории греко-персидских войн», рассказывая о древних народах и племенах Северного Причерноморья, в числе прочих упоминает неких даев, которые жили, «начиная от Каспийского моря».

По всей видимости, как на то указывает также и Страбон в своей «Географии», земли их тянулись от Урала в его среднем значении и до реки Аракс, то есть, до Сырдарьи. При этом жили они, по утверждению Геродота, «на болотах», которые образуют реки, и на островах, расположенных на этих болотах. Но несколько вдалеке от собственно Аракса, который, в свою очередь, по Геродоту, впадает на севере всеми своими устьями в море, а одним устьем – в Гирканский залив...

Маврикий Стратег в одной из утраченных своих записок, копия которой сохранилась в библиотеке Ватикана, сообщает о том, что торамдасы отличались высоким ростом и медлительностью, красотой и добродушием. Они, говорит он, имеют «волосы прямые и цвета стоялой соломы», «короткие носы и белые глаза», а царей не имеют, но всеми правят женщины, поэтому живут торамдасы подобно амазонкам. Они простодушны и не ведают лукавства, не знают денег, не знают числа больше 30, точно также и не известны им никакие меры и вес.

Некоторые афинские историки еще во времена Евсевия Памфила производили род торамдасов от одного из потерявшихся колен древних идумеян, предки которых по мужской линии вначале были иеродулами в храмах Аполлона, но потом были захвачены в плен парфянами и выселены в дальние пределы Парфии, где впоследствии и затерялись.

Другие же выводят торамдасов из диких лесов, коими окружены пространства между Монголией и Манчжурией, усматривая в них потомство древних динлинов и смешавшихся с ними уйгуров, которые в начале времен были насельниками этих областей, а потом влились в гуннские орды и расселились по обе стороны Урала и вышли на берега Аракса.

Кое-какие сведения о торамдасах почерпнуты нами и в религиозной философии древней Индии.

Адепты древнейшего брахматизма смутно говорят нам о некоем народе, который первым из всех начал искать путей к бегству вратами Луны и Солнца ради достижения бездонного Праджапати. Народ этот известен им под именем «даршан»: именно ему отводят главную роль в создании философии санхьи, которая провозглашала постоянную множественность освобожденных душ как неких непроницаемых монад.

Великий учитель древних мистиков Махаяна Асанга видел в них Бодисаттву, восходящего от Земли к Земле, и указывал место рождения торамдасов, а именно – последний предел нирваны. При этом Асанга называет торамдасов другим именем: «аготрака», что значит «бесплодные», утверждая, что народ этот получился не в этом существовании, а в результате длинного ряда перевоплощений.

И до сих пор, по учению Махаяны Асанги, народ «аготрака» находится в монотонном движении бесконечных циклов, в состоянии вечного возвращения. И каждый новый период, который называется Махакальпа, у торамдасов наследует другому такому же периоду без какого-либо движения вперед.

Древние китайцы, равно как и святой Максим, считали торамдасов слугами палингенозов, слугами бессмертия смерти, сменой ритмов инь и янь, а индийцы – вдохом и выдохом Брахмы.

И, подобно тому, как вдох не знает, что он вдох, а выдох не знает, что он выдох, так и предки торамдасов, равно и потомки, не ведали ни смысла достижения бездонного Праджапати, ни вращения Махакальпы. Ибо сами они и были сутью этого вращения, находясь при этом как бы в состоянии менопаузы, подобно бабочкам.

Кое-что о торамдасах известно нам из армянских источников о монголах.

Так, например, нам известно, что в битве под Назаретом в сентябре 1260 года в составе войск монгольского правителя Сирии по имени Китбуга-нойон вместе с пехотой, состоявшей из армян и грузин, сражались и некие «белые куманы», которых отличали от куманов обычных, которых русские на своем варварском наречии называли половцами.

По описаниям армянского историка Киракоса, эти «белые куманы» совпадали с известными нам описаниями древних торамдасов. Киракос приводит их боевой клич: «Елдын!» и добавляет: «Горящие рвением, вперед стремились они, силе своей доверяя». В этом сражении с мамелюками султана Кутуза монголы потерпели, как известно, сокрушительное поражение, на чем, собственно, и закончился Желтый крестовый поход, сведения о котором...

Последнее, что мы знаем о торамдасах, что после великой смуты и братоубийственной войны во всем Монгольском улусе, которая завершилась в самом начале 14 века, и после которой монгольские степи пришли в запустение, торамдасы покинули пределы своего обитания и расселились среди других народов на берегах притоков реки Итиль.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ПАПСКОГО НУНЦИЯ ИЕЗАРΙΑ. Тулуза, аббатство братьев-камардульцев, 4 ноября 1501 года, в 13.45 пополудни, в присутствии доверенного иудейской общины Каталонии сера Иешуа бар-Йохай.

... и единственно из зависти некоторых злокозненных людей, потому что в Венеции давно уже на досках никто не пишет, а используют холст. Древесину же в этой местности применяют редко, ибо ель сюда сплавляют в изрядных количествах по реке Адидже из Славонии, и она, в силу сего, весьма дорога. Ель же сюда привозят из пределов даже и татарских.

Так и на этом изрядном куске парусины Вашему Святейшеству известный фра Торамдассо из Фьезолы произвел работы внушительные.

А именно, изобразил Ваше Святейшество, и многих кардиналов, дарующих большую свечу Синьории. А рядом с ними и дальше вглубь полотна фра Торамдассо, знаменитый в разных государствах своим тщанием и добродетелью, поставил много домов и палаццо на Канале Гранде, Понте алла Палия и прочее. А также вывел он там и процессию богато одетых горожан во главе с духовенством, которая собирается броситься с моста в воду в благочестивом стремлении спасти реликвию.

Сей кусок от Креста Христова, о чем в свое время было составлена подробная реляция с указанием имен и фамилий, а также времени дня, года, месяца и фаз луны, ныне обретается

в богато и искусно украшенной раке в соборе Святого Марка. Хотя многие не имеют в себе безусловной веры, и говорят, что сие просто киль некой древней триеры...

...Дождь же изображен в доспехах, и как бы уж выступивший в поход, но и не он только написан, а много досадивший Вашему Святейшеству отпрыск императора Фридриха. Двуми-чьем отмеченный Оттон этот, однако, изображен стоящим на коленях пред папой, а сзади и несколько сбоку восседает золотая Победа в короне и со скипетром, чего благочестивый фра Торамдассо делать отнюдь не желал, но соблазнен был к тому некоторыми людьми из Немецкого подворья. Следственно, фра Торамдассо сделал работу эту сознательно и обдуманно. Купцы же эти имели виды на подряды строительства новой верфи. Вложения же следовали от императорского казначейства, и, конечно, подряды распределены были несправедливо, о чем по Вашего Святейшества поручению и заведено ныне дело, а купцов тех определили на галеры с конфискацией всего имущества.

Поскольку дело обернулось известными политическими коллизиями, могущими составить неудобства для Священного престола, исполняя приказание Вашего Святейшества, предпринял я следующее.

26 октября на совещании Сената по поводу требования Ордена палестинских кармелитов об определении места содержания работы фра Торамдассо, я усмотрел в созвучии и некоторых иных деталях, о чем в настоящее время хлопочет Орден камардульцев, неприятное совпадение. Указав, между прочим, что Оттон злокозненный этот женился с Вашего благословения на некой девице из знатного и богатого богемского рода Торамдессен.

По записям в учетных книгах иудейской общины Богемии, в чем приложил старание и обнаружил благожелательность почтенный мессир бар Йохай, нашел я нижеследующее. А именно: никакого рода Торамдессен в Богемии никогда не бывало, а есть какие-то Торадулеску в Трансильвании, но проверить это до весны не представляется возможным, ибо горы закрыты из-за снега и опасны по причине множества бесчинствующих язычников. А также и мадьяры изрядно злодействуют, втайне исповедуя древних идолов, коих привнесли с собою в Паннонию во времена Атиллы от какого-то вещего народа.

Известно также, что и учёнейший и благочестивый мессир Джованни Коза также не был обойден тайным учением сего злокозненного племени, таинство происхождения которого и даже само существование вводит братьев наших и паству в подозрительное брожение. Препровождаю Вам сонет мессера Козы, который тот, находясь во власти...

– ... Как белокурые, Амур, красивы косы...

...ее же и обнаружил с опасностью для жизни в обители братьев-цокколантов Сан Микеле, что на Мурано, но перенесенную позже в монастырь Карита. На этом куске холста фра Торамдассо, будучи, видимо, окончательно поглощен тенетами чернокнижия и тайнописи язычников Китая, Индии и Татарии, изобразил некоего неизвестного нам папу, как рассказывают, в первые века Церкви Христовой бежавшего из Рима в Венецию, и служившего там долгое время поваром в монастыре братьев-цокколантов. Этому повару приписывают изобретение равиолей, рецепт которых сей лжепапа якобы получил из-за пределов Славонии и даже из того места, где уходит под землю река Аракс, чтобы впасть там в среднюю реку царства теней и вечного ужаса, так правдиво описанного мессиром Алигьери...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.